Сразу я надела три пары носков, но всунув ногу в ботинок, поняла, что переборщила. Одну пару пришлось снять. Немного поразмыслив, достала трусы шортиками, мало ли. Надела на предыдущие трое трусов. Посмотрела на себя в зеркало – лиф лишний. Лучше несколько маек. Чистых было две. Ну ладно. Тогда можно под байку еще лонгслив. Надев флисовый костюм, я попробовала пройтись. Бежать, в случае чего, будет проблематично. Но я и не бегунья вовсе, бег никогда не был моим преимуществом.

Я. Я выйду. Ненадолго. Вынесу мусор. Смотри, вот тут цифры. Ты умеешь набирать.

Мальчики смотрели на меня с некоторым испугом. Старший скрывал страх более техничнее, только дергающаяся левая нога выдавала тревогу. Но листок взял. Младший вот-вот готов был сорваться в плач.

Я. Послушай, милый, всего сорок пять ступенек. Вы будете смотреть в окошки. Вы же знаете, мусорбаки рядом.

МАЛЬЧИКИ. Мы с тобой. А можно мы с тобой?

Я вздохнула, взглянув в серое окно. Пятиэтажные хрущевки унылого бежевого цвета создавали колодец, в который можно нырнуть и не вынырнуть. Просто не захотеть выныривать. Снег, упавший за ночь, беспощадно таял, превращаясь в мокрые, грязные холмики от колес

машин, всем своим видом подзуживая прохожих сделать прыжок в колодец.

Я. Хорошо. Только вам придётся одеться потеплее. И без капризов, понял?

Младший кивнул.

Я. А ты, на всякий, порви бумажку на маленькие кусочки, ладно?

Старший принялся рвать над кухонным мусорным ведром.

Я. Выходим. Запомните, слушаем мои команды. Держимся вместе.

Успешно миновав мусорбаки, мы двинулись за пределы колодца. Сразу за домом стояла вереница служебных машин, внутри было так много черных людей, что создавалось впечатление, будто это не авто, а рыбовозы стоят, доверху набитые карасями. Я окинула взглядом железнодорожную дорогу, идущую к недалеко стоящему хлебозаводу. Это ловушка! Черт!

Я взглянула на часы. Они должны сейчас выйти. Два района. Павел ушел с самого утра, чтобы встретить колонну рабочих и соединить с нашим. Еще на рассвете он расставил дозор, который был обязан по разработанной Павлом связи сообщить о любых помехах.

Я. Где дозор?!

МАЛЬЧИКИ. Какой?

О, Боже, дети! Я топталась на месте, лихорадочно пытаясь придумать план. Но какой план, когда дети?

МАЛЬЧИКИ. Мам, у тебя на губах кровь.

Я облизала губы – соленое, теплое и тошнотворное. Как в детстве.

Я любила Райскую Птицу. Отец мне рассказал про созвездие. А следующей ночью умер. Родившегося поросенка я тайно назвала Райской Птицей. Мы дружили. Райская Птица с удовольствием съедала яблочное варенье, которое я воровала из двухлитровой банки. А потом я узнала, что моя Райская Птица – это хряк, точнее мясо. Дождавшись храпа, я покинула хату. Как ни просила, Райская Птица стоял. Я показывала, что свинарник открыт – иди. Я говорила: Райская Птица, лети. А он смотрел и улыбался. А потом взял и уткнулся в мой живот. Мои плечи тряслись и ударялись о зубья вил, которые висели здесь, чтобы выкидывать перегной. На рассвете все и случилось. Дядько Клим сказал моей матери, что она родила настоящую суку. Я прокусила ему запястье. Когда я влетела на задний двор, то у Райской Птицы был открыт обуглившийся рот в едва уловимой улыбке. С неба падал первый снег, смешиваясь с грязью под ногами. На меня никто уже не обращал внимания, женщины были заняты подготовкой погреба и мойкой алюминиевых тазиков. Мужчины обсуждали самогонку и свежанину. Я подошла ближе, присела на корточки и взяла в руки черную местами голову, взгляд Райской Птицы точно был направлен в меня. Снежинки опускались в красивый темный-вишневый цвет и таяли. Я закричала, что Райская Птица жива. Но в этот миг Степан провел рукой по шее Птицы и мне в лицо брызнула багровая кровь.

Я. Ерунда, ребят.

Вынырнув, я сжала ладошки мальчишек. Затылком почуяла, что армия черных людей устремила свой взгляд на нас.

Я. Котики, слушаем внимательно, не перебиваем, не теряем время. За жд дорогой должен быть папа с людьми. Делаем вид, что идем к водоканалу. Ясно?

Мальчики кивнули. Мы перешли дорогу под ошалелым наблюдением из прорезей для глаз. Начали спускаться к жд дороге, ноги поскользнулись, я схватилась за ограду. Витиеватая нерасхоженная дорожка была устлана льдом, который под водой и комьями снега был не заметен. На подъеме я глянула в сторону гаражей, там мелькнули флаги. Обернувшись, я увидела, как из вереницы рыбовозов хлынула живность. Я наклонилась поправить шапку младшему и прошептала.

Я. Дети, бегите. Навстречу папе, кричите им: назад. Будьте осторожны, там лед.

Мальчики побежали. Я же наоборот встала, как вкопанная, полностью загородив собой проход. Даже на физре в школе я не могла сдать чертов норматив по бегу на сто метров. На команду «начали!» все срывались и бежали, а я стояла.

На меня надвигалась устрашающе черная свора, я почувствовала, что не могу пошевелить языком, словно он прирос к небу. От жд дороги доносились детские крики. Я не оборачивалась. Черные люди стали давиться в узкий коридор с бранью и проклятиями. Первые в несколько прыжков достигли моего нахождения. Они толкали меня в сторону, но мы не могли разминуться, всем мешал мой пакет с мусором. Он, как болванчик, путался между ног.

Очень высокий с безумно широкими плечами прогремел сверху на меня.

ВЫСОКИЙ. Сукааа!

Я подняла глаза. Что-то дьявольское открывалось в орущих прорезях, зрачки закрывали всю радужку и стремились выползти из орбит. Это и ужасало, и притягивало. В какое-то мгновение мне показалось, что происходящее вокруг – это конец света, а сама я нахожусь на одном из кругов, а передо мной само зло во всем его убранстве. Черные бегущие люди толкали нас, но Высокий был непоколебим. Я держалась на ногах только потому, что он держал меня за шкирку. Откуда-то из амуниции появился пистолет, я посмотрела в черный зияющий глаз оружия и подумала о том, что они схожи между собой.

Мне показалось, лицо за маской ухмыльнулось. Странное дело, внутри меня разлилось морем спокойствие. Видно, это также заметил Высокий и на сущее мгновение в его зрачках отразилась растерянность.

ВЫСОКИЙ. Конченная сука! Вас давить, вешать надо! Расплодились, демократы!

Высокий распалялся все больше и больше, выражение его глаз снова приобретало дьявольский оттенок. Я знала, в такие минуты происходит неизбежное. Высокий больно приставил ко лбу дуло и несколько раз постучал, словно воспитывая. Я начинала злиться.

Я. Убрал руку!

ВЫСОКИЙ. А то что?

Какое-то могущественное существо оживало во мне, расправляло плечи, поднимало голову, мне не хватало воздуха. Я смотрела в его насмешливые, наглые прорези.

Я. А то тебя накажет.

ВЫСОКИЙ. Кто?

Я. Райская Птица.

Сверху раздался короткий смешок и в ту же секунду вылился в оглушающий хохот с мерзкими бульканьями в конце.

В Ы Р А Й

Я. Давайте послушаем музыку?

МАЛЬЧИКИ. Но нам же нельзя?

Я. А мы не будем включать. Давайте, представим, каждый в своей голове. И посидим.

Мы молчали. Сидели по-турецки на кровати, повернувшись к окну. Покосившись на детей, которые вдохновенно смотрели в вечернее окно, я постаралась включить в себе музыку. Ничего не вышло. Я думала о еде. Прокручивала в голове, как заработать этой ночью. И молилась. Молиться было не так больно. Просто говоришь: пожалуйста, пусть сегодня температура не поднимется. И так раз двадцать. Нет. Тридцать. Бог любит троицу. До тридцати хорошо.

МАЛЬЧИКИ. Мам?

Я. Да?

МАЛЬЧИКИ. Ты заслушалась?

Я. В смысле?

МАЛЬЧИКИ. Музыкой?

Я. Не получается, жевжики. А вы?

МЛАДШИЙ. У меня получилось. Я даже порисовал.

Я. И что ты рисовал?

МЛАДШИЙ. Сразу я нарисовал киндер, потом харибо, и сосиски, еще наггетсы.

Я. А ты? Получилось у тебя послушать?

СТАРШИЙ. Мам. Я считал.

Я. Что ты считал?

СТАРШИЙ. Но мне кажется, неправильно. Я по тридцать считал. Получилось всего сто восемьдесят.

Я. Чего сто восемьдесят?

СТАРШИЙ. Дней. Ну я же говорю – неправильно. Не во всех месяцах по тридцать.

Я. Почему ты считаешь дни?

СТАРШИЙ. Сколько еще мы будем в темноте. Мам?

Его голос дрогнул. И мое сердце начало крошиться. Я молчала. Что сказать? Соврать? Лучше следить за спиной. Да. За спиной. Хотя это тоже, по сути, вранье. Правда – это сгорбатиться. Без слов. Дети бы поняли. И врать не хочется, но и сидишь прямо.

Пря мо ли ней ный.

МЛАДШИЙ. Что, мамо?

Я. Прямолинейный был мой папа.

Я. Любил, чтобы справедливо все. И я полюбила. Знаете, что ваша мама сделала?

Мальчики покачали головами.

Я. В школьной столовой, когда я понесла миску в моечную, увидела стоящие в ряд торбы, ну разные сумки тканевые, а в них апельсины, бананы, мясо, моющие средства. И я так разозлилась. Потому что кое-что поняла. Бананы должны были давать целиком, а нам давали по половинке, и в мясе мяса не было. То есть котлета из батона и риса.

МЛАДШИЙ. Как в советском союзе?

Я тихо засмеялась.

Я. Почти. Только это было не давным-давно, а в современное время. Ну и я решила, что что-то надо с этим делать. С несправедливостью. Пришла домой, взяла тетрадку и написала письмо президенту. Попросила сестру отвезти письмо сюда, в Минск. Иначе из деревенской почты оно бы уехало к директрисе школы, в соседний дом.

СТАРШИЙ. Их наказали?

Я. Нет.

СТАРШИЙ. А кого тогда?

Я. Меня.

МАЛЬЧИКИ. Почему???

Наш 10 «Б» находился в тени ровно до полудня. Сразу после – начинался последний день помпеи. Ряд у окна защищался от солнца, как мог. В тот день я пересела со своей последней парты к окну, чтобы попасть в

«вариант1» и списать контрольную по химии. Внезапно мои глаза осветил чересчур яркий луч. Я повернула голову в окно. Возле универмага остановились две ослепительно черные машины. Я подумала о жуках-навозниках. На Площадь из разных углов бежали: завмаг, с отделения почты – главная почтальонша, из ФАПА – старшая медсестра, по пути догнавшая председателя сельского совета.

Из машин выползли костюмы и кучкой направились к школьному двору. Почему-то пропало солнце. Словно кто-то большой закрыл его своими крыльями. И тут до меня дошло. Точнее письмо дошло.

Я. Потому что письмо дошло.

МЛАДШИЙ. Тебя обижали?

Я. Я была свободна. А свободных невозможно обидеть, милый.

Мы замолчали. Тишина вокруг была такая, что складывалось ощущение, что мы в вакууме. Словно мы остались одни на планете или, наоборот, нас не стало на планете. Жизнь была, мир был, а нас как будто нет. Стоп, не так. Словно мы, как призраки, стояли на углу перекрестка и наблюдали кино.

Раздался звонок домофона. Я отшатнулась, будто передо мной внезапно появился человек. Мальчики вздрогнули, но не произнесли ни звука. Посмотрели на меня, как мне показалось, удивленно. Я и сама от себя такой реакции не ожидала. Была уверена, что у меня выработалась привычка. Знаком я показала мальчишкам отодвигаться

назад от окна. Мы бесшумно отползли, будто змеи. Звонок домофона прервался и через миг повторился. Значит, мы не призраки. Мы есть. Интересно, а призраки мечтают?

Я. Интересно, а есть мечты у призраков? Ну, привидений всяких, а?

Я говорила так тихо, что едва слышала самое себя. В такие минуты не стоило молчать. Нужно говорить о чем-то кардинально другом. Так рекомендовала психолог, работавшая с пострадавшими от природных катаклизмов и войн. Нам, как говорит Оксана, повезло. У нас нет цунами, и есть мир над головой. Я ее в самом начале просила, как коллегу, распространить про ужас в стране, в которой нет цунами. А в ответ узнала, что у нас мир. С Крещатика виднее. Странное дело, но так всегда отчего то. Когда ты не в эпицентре, почему-то виднее. Например, Конго. Я не интересовалась. Или Йемен.

Что я знаю про Мьянму? Оправдывать себя, что это далеко. Достаточно соседей. А соседи… а соседи, как правило, стандартные соседи. Им плевать, что подъезд – это как бы наш общий дом. Заплевали, короче.

Отче мой, как сильно я хочу кричать. Когда?

Я. В смысле когда? Что когда?

СТАРШИЙ. Я говорю, что есть.

Я. Мне показалось, ты спросил когда.

СТАРШИЙ. Так я и спрашивал.

Я. Не понимаю.

СТАРШИЙ. Я говорил, что мечты есть. Ну этих. Привидений.

СТАРШИЙ. Они, мам, мечтают, чтобы у них был свет. Когда, мам?

Пятиэтажная хрущевка напротив разом навалилась на наше окно. Десятки зажженных окон одним сплошным фонарем уставились нам в зрачки, словно допрашивая: когда, когда, когда. Запрокинув голову, почувствовала, как тут же в мои уши стекает мокрое. Немедленно стянула рукав и вытерла правое ухо, на всякий случай и левое. Мне нужно беречь левое. Да и правое. Но левое куда важнее.

Хрущевка выпрямилась. Ее окна теперь заняли равнодушную позицию. На каждом этаже горел электрический свет. Словно и правда, мирное небо над головой. Но это только кажется.

Я. Это только кажется, сын.

СТАРШИЙ. Нет, не кажется. Не кажется. Там горит свет, а у нас – нет.

Прямо по центру выключилось окно из пятиэтажки напротив. Что-то происходило внизу. Я вытянула шею. Зажегся свет подъезда. Тут же с грохотом распахнулась дверь и оттуда люди в черном вытащили человека. Его ноги волочились по асфальту, голова диковинно висела. За гражданскими авто стояли служебные. Я резко повернула голову вбок и ударилась лбом о голову сына.

Я. Не смотри!

Я. Где Романико?

СТАРШИЙ. Да спит он.

Тело младшего лежало в позе эмбриона. На стене колыхалась тень от веток каштана, растущего под окном. Я присмотрелась, тень создавала причудливые формы. А потом на мгновение замерла, отчетливо виднелись крылья большой птицы.

Я. Ты видел?

СТАРШИЙ. Видел. За что они так?

Я. Кто?

СТАРШИЙ. Ну, там.

Я. Я тебе про птицу. Ты видел крылья?

Я. За то, что он свободен.

СТАРШИЙ. Как ты тогда в детстве?

Я. Да.

СТАРШИЙ. Мам, а от чего свободен?

Я. От лжи.

СТАРШИЙ. Разве это свобода? Они убьют его, мам! А мы? Мы змеи, кроты, призраки. Не обнимай меня, мама.

Я. Мы люди. Да, живем пока не так, как. Но…

СТАРШИЙ. Я рисовать хочу. Я буду рисовать в шкафу. Где наш походный фонарик?

Я. Я найду его завтра.

Я. Спи, сын.

****

ПАВЕЛ. Не спишь?

Я молчала. Надо было бы ответить, все-таки задают вопрос. Но сил как будто не осталось. Мой разум занимали две вещи: как я могла не услышать ключ в двери и почему нельзя говорить мысленно? Мысленно можно высказаться гораздо полнее, чем через рот. Через рот, как правило, вылетают психи.

Куда подевались нормальные человеческие диалоги? Наверное, туда же, где и нормальные вопросы. Остались тупые вопросы.

Я. Тупые вопросы.

ПАВЕЛ. Это ты мне?

Я. Не знаю.

Я. А я правда похожа на спящую, когда сижу на стуле и смотрю в черное окно?

ПАВЕЛ. Спросил на всякий пожарный.

Я. На часах четыре ночи. Ты нормальный?

ПАВЕЛ. А как ты себе представляешь борьбу? На диване?

Я. Пассивная агрессия.

ПАВЕЛ. Да нет. Может грубо прозвучало.

Я. Агрессия плюс обесценивание. Ты хочешь сказать, что я на диване?

ПАВЕЛ. Да ничего я не хочу сказать.

Я. Я просто знаю, каково это бороться со злом. Это совсем не спринт. А годы марафона.

ПАВЕЛ. Не заводись, а то разбудишь.

Я. Хорошо, что вспомнил.

Странно, что от душевной боли нельзя помереть. Вот прям сидя на стуле, напротив черного окна. Или от ожидания. Ждешь, ждешь, махнул рукой и усопся. Вчера мальчики сказали: лучше б он сдох.

Я. Вчера мальчики сказали, что лучше б он сдох.

ПАВЕЛ. Кто?

Я. Ты серьезно не понимаешь? Вчера у меня не хватило копеек купить молоко. Мне пришлось у очереди попросить.

Я долго молчала. Было трудно дышать. Постукивая указательным по спинке стула, я сосредоточилась вновь на том, как же могла не услышать ключ в двери. А ведь в моих интересах бдить двадцать четыре на семь. Это можно сказать вопрос жизни и смерти. Неужели я не закрыла дверь на замок?!

Я. Неужели я не закрыла дверь на замок?

ПАВЕЛ. В смысле?

Я. Ты открывал дверь ключом?

ПАВЕЛ. Конечно, нет. Ключи с собой брать опасно, ты забыла? Мы же договаривались, что я буду стучать четыре раза и ты откроешь.

Я. Ты стучал?

ПАВЕЛ. Забыл. Потянул ручку, а дверь и открылась. Как в сказке.

Я замерла и зажмурила веки, словно ударилась большим пальцем ноги о ножку кровати. Как я могла не закрыть дверь? Это мое правило закрыть верхний и нижний замок до упора. Что со мной происходит? А когда я последний раз спала? Сегодня что? Вторник?

Я. Сегодня вторник?

ПАВЕЛ. Четверг.

Я. Четверг… То есть шестой день.

ПАВЕЛ. Что шестой день.

Я. Не сплю. Только днем урывками. По часу-полтора. У меня проблемы со сном, Паш. Ты приходишь и можешь отключиться. А я лежу, кручусь. Через час у меня психоз. Ты видел, что у меня белки глаз красные?

ПАВЕЛ. Не замечал.

Я. Не замечал… Ты даже не переспросил насчет пакета молока.

Я. Я – журналист. Высшее образование. Фильмы снимала.

ПАВЕЛ. Я знаю.

Я. В очереди просила двадцать копеек! А знаешь, что самое паршивое?

Павел молчал. Смотрит куда-то мимо.

Я. Наши дети тогда стояли и смотрели на самые дешевые конфеты. На драные барбариски. И не просили. Вот это и

есть самое паршивое… твои мальчики, Паш, даже не просили.

Я. А еще приходил Виктор, мы задолжали аренду на два месяца. А еще, у детей отит за отитом, бронхит, ангина. Я не умываюсь, Паш, по утрам. Пока ты борешься, мы в яме.

ПАВЕЛ. Почему они так сказали?

Я. Кто? Что?

ПАВЕЛ. Дети. Про сдох.

Я не спешила с ответом. Мне казалось, если заговорю – начну выть. А выть никак нельзя. Во-первых, соседи, доносы. Во-вторых, дети. Я вдохнула и выдохнула. Много раз. Подняла голову вверх, всматриваясь в темень, оттуда летел снег с дождем.

Я. Ты видел какая погода?

ПАВЕЛ. Какая есть, такая и погода.

Я. Тебя кто-нибудь страховал?

ПАВЕЛ. Все, как и ты, сказали: ты видел какая погода. И отказались выходить. Я полез один.

Я. Ты ополоумел?

Павел коротко засмеялся.

ПАВЕЛ. Да ладно тебе. Это прикольно. Вышка обледеневшая, руки скользят, ноги тоже. Ну, ладно.

Понимаешь, кому-то надо не сдаваться. Я не сдался. Я вышел. Я добрался до верхушки и повесил флаг. Прикинь,

утром все проснутся и увидят флаг, люди приободрятся, все СМИ напишут, что несмотря…

Я. Второй год … СМИ напишут, люди приободрятся…

ПАВЕЛ. … на пытки, мы не сдаемся. Наши политзеки должны знать, что мы здесь не сидим на диванах. В противном случае, нет смысла ни в чем.

Павел был оживленным. Меня пропускал мимо. Говоря, он словно встрепенулся, дышал энергией. Я ощущала нарастающее раздражение. Мне хотелось его заткнуть. Я вспомнила барбариски. Можно, в принципе, было леденцы приготовить и дома. Только сахара нет.

Я. У нас сахара нет.

ПАВЕЛ. Что?

Я. Когда были сосиски – не помню. В ту ночь у меня было два часа поспать. Но прилетел заказ, я всю ночь писала текст, чтобы получить утром десять долларов. Мы обменяли с детьми и решили, что устроим пир. Купим муку, сахар и молоко, напечем блинов. Тебе кто-то позвонил, ты ответил. Потом ты сказал, что тебе надо к людям, помочь кому-то найти родственника по тюрьмам. Я попросила задержаться, мальчики давно тебя не видели, не общались. Ты стал агрессировать, что сейчас не до детей, мол, с утра много арестов, нужно помогать людям. Я бросила в тебя ложку. Или вилку?

ПАВЕЛ. Ты ничего не бросала.

Я. Да? Значит хотела. Так вот, ты ушел. Я еще подумала, ну и отлично. Я много раз так сказала, ужасно болело сердце и дышать не было чем. Я рот открывала, как карп

в раковине твоей матери. А потом мне мой ангел нашептал: проверь карман пуховика. Там были деньги на наш с детьми пир. Кажется, так случается инфаркт.

Слезы текли в мои уши. Было плевать на левое и правое. Можно стать контуженным и без войны. Просто потому, что ты мать. Просто потому, что перед тобой стоят дети, которые устали есть овсянку на воде. Завтрак, обед, ужин. День за днем, пока не кончится пачка. А сама по чуть-чуть отщипываешь кусочки хлеба. Центр Европы, столица Беларуси, две тысячи двадцать первый, не сорок там какой-то, не блокада. И как же трудно, особенно трудно в таких условиях, открыто заявить, что ваш лидер, ваш вдохновитель забрал несчастные двадцать белорусских рублей на бензин, потому что надо искать родственников по сизо. Как можно пожертвовать своими детьми?

Я. Как можно жертвовать своими детьми?

Я. Мальчики узнали. Если бы ты мог видеть их глаза, если бы ты слышал, как они скулили, как маленькие щенки. Именно в тот момент наш добрый, сострадающий всему живому, чуткий мальчик сказал, захлебываясь слезами, лучше бы тебя не было. Я все еще слышу этот крик, Паш. Он прошел сквозь меня, как пуля. Я с дыркой в голове хожу.

Начинаю смеяться. Очень смешно. Не могу остановиться.

Я. Я вообще вся в дырках. И ветер гуляет.

ПАВЕЛ. Так я выхожу и за них тоже. Ради них. Чтобы они жили в свободной стране, чтобы им не пришлось, как я лазить по обледеневшим телевышкам.

Я. Ради них – это думать о них в моменте, в настоящем! Уже полгода мы даже свечу не зажигаем. С пяти дня темно, мы научились быть кротами, мы видим в темноте лучше, чем днем! Мальчики играют в кромешной тьме, словно мы в бомбоубежище! Когда звонят в домофон – мы замираем, ничто не должно выдать, что здесь есть живые.

Я вскочила со стула, начала ходить туда-сюда, минуя скрипучий ламинат. Удивительное дело, насколько может быть разным «для них» у близких людей.

Я. Поразительно, насколько разное у нас «ради».

Павел молчал, я крутила в голове гневные диалоги, но вслух только шумно дышала. В бесцельной дерганной ходьбе я наткнулась на рулон, стоящий в узком коридоре.

Я. Это что?

ПАВЕЛ. Хочешь взглянуть?

Павел взял тяжелый рулон выше своего роста и вытащил в центр комнаты.

ПАВЕЛ. Готова?

Я кивнула. Он поднял руки и отпустил край. Холст под своей тяжестью развернулся и выпрямился. Передо мной стоял, обернувшись назад, пожилой голый человек с перекосившимся от зла лицом. Его ягодицы сжимали пшеничный колос. Страх заполнил каждую мою клетку. У меня не было ног, они вросли в ламинат и проросли в

квартиру соседа. Плечи поднялись так высоко, что мгновенно разболелась шея, интуитивно я свернулась внутрь, словно ожидая удара. Во рту язык так высох, что при малейшем движении челюсти он царапал слизистые. Глотка стала настолько широкой, что через нее могла проехать электричка. Язык отсох и полетел в гортань, как в пропасть. Я почувствовала тошноту. Наружу просились вырванные органы.

Павел улыбался.

ПАВЕЛ. Мы долго над этим работали.

ПАВЕЛ. Что скажешь?

ПАВЕЛ. Чего молчишь?

Из спальни закашлялся младший. Послышался сонный голос старшего, который просил кашлять тише. Пожилой человек медленно стал расплываться. Одновременно смоченный внутренней влагой вернулся язык и подвесился на свое место, вернулись миндалины, небо с язычком.

Я. Нас расстреляют. И детей. Всех. Нас.

ПАВЕЛ. Опять ты за свое.

Я. Опять я за свое…

ПАВЕЛ. Ладно. Мне надо успеть до рассвета.

Я. До какого?

ПАВЕЛ. Повесить надо.

Я. Где?

ПАВЕЛ. Недалеко. Переулок возле следственного.

Я. Остановись, Богом прошу. Мы и так сделали много, ты слышишь?

Я. Мы уволились, потеряли оба работу. На всех маршах, с детьми, без детей. Разве этого мало? Через две недели уже 2022 год, ты это понимаешь? Мне говорят, что мы больные.

ПАВЕЛ. Больны те, кто думает, что перемены им другой добудет.

Я. Больны те, кто решает, что именно они добудут эти перемены.

ПАВЕЛ. Аргументируй.

Я. Потому что они в меньшинстве. Вот скажи. Вот вы делали это. Сколько желающих было взять это домой?

Павел молчал.

Я. Вот. Вот мой аргумент. Люди запуганы. Никто не хочет умирать. Уезжают, спасаются, ставят точку. Свято веришь в то, что своим примером сможешь вдохновить? Не та эпоха. Чтобы проснуться нужна, наверное, война, прости господи. Когда на кухню прилетит снаряд, тогда дойдет, что хаты с краю нет.

Павел молчал.

Я. А сейчас надо спасать…

Павел резко свернул рулон, захватил пакет из кладовки и направился к обувнице, зашнуровал кроссовки.

Я. Ты оставишь следы.

ПАВЕЛ. Какие?

Я. Возьми перчатки.

ПАВЕЛ. Точно.

Я. Еще кто-нибудь идет?

Павел молча вышел. Я закрыла дверь на все замки до упора и в верхний для пущей надежности вставила ключ. Открыла кладовку, повсюду лежали флаги, в том числе и тот знаменитый пятидесятиметровый, пакеты стяжек, коробки кружек, в углу стоял мемориал в память Романа. Сегодня, благодаря дворнику, который заранее предупредил, что едет наряд, мне удалось забрать со двора. Я окинула взглядом: на какой срок это потянет? Десять лет, пятнадцать?

В голове раздались молоточки, усиливаясь и усиливаясь. Разделась, села в пустую ванну и включила дождик. Сейчас можно, отче мой, кричать? Сбоку зашумел слив унитаза. Сосед опорожнился. Кричать можно только в себя.

Я встала, вытерлась, накинула майку. Прошла на кухню. Отсюда видно, как въезжают автомобили и заходят люди во двор. До филиала пять минут. Прошло двадцать пять. Я закрываю глаза и вижу на углу камеру. Боже. Там камера. Наваливается сильная злость. Хочется разнести кухню. Но она не моя. Разбить тарелки, но спят люди.

Я сажусь на черно-белую плитку, прижимаюсь к горячей батарее и смотрю в небо. Тучи быстро плывут, каштан машет ветками.

Райская Птица, закрой крылом камеру. Прошу тебя.

****

Отец хватает меня на руки и подкидывает вверх, выше закатного солнца. Я радостно визжу. Он ловит меня и подкидывает снова. Темнеет. Я цепляюсь руками за его шею. Он мягко убирает мои руки.

ОТЕЦ. Я буду там.

Я смотрю на созвездие. Их так много. Все небо переливается огнями.

Я. Может домой?

ОТЕЦ. Я там и тут.

Целует меня в голову. Я все еще пытаюсь цепляться. За кипельно-белую рубашку, за пояс черных брюк, за штанину. Он мягко разжимает мои пальцы. Я смотрю на свои руки, в моих ладонях струится свет, похожий на рассветный туман. Задрав голову, вижу летящую дымку. Я бегу бок о бок с ней. Совершенно удивительно, мои ноги не касаются земли, и в то же время абсолютно точно мое тело не совершает полет. Совершенно ясно, что я бегу, как обычный деревенский ребенок, но не по твердыни, а по воздуху.

Я. Я птица! Птица!

ГОЛОС. Пизда тупая.

Дикий страх вырывает меня из пространства радости. Я резко сажусь на кровати. Одеяло лежит на полу. Окно загораживают черные люди. Их много. Спросонья я не могу сообразить: явь – сон? Слышу разноголосье со стороны кухни и прихожей.

ГОЛОС. Встала быстро!

Как хорошо, что я одета. Как хорошо, что я не под душем. Выйдя из спальни, я вижу человек десять. Может меньше, может больше. Внезапно ощущаю влагу в носках. Опускаю голову. Мои ноги стоят в грязной снежной луже. Обращаю внимание, что все здесь находятся в черных жутких берцах. Много луж. Много грязи. Поднимаю взгляд – левее от меня стоит Виктор. Смотрю ему прямо в глаза. Он очень напуган, едва заметно пожимает одним плечом.

Какая я дурочка. Замки, ключи. Все проще. Можно просто поднять Виктора.

ГЛАВНЫЙ. ФИО?

Я. Баева Мира Михайловна.

ГЛАВНЫЙ. Мира Михайловна, вот разрешение на обыск, можете ознакомиться. Не хотите? Ну, как хотите.

В голосе Главного прозвучала нотка раздражения, он плохо скрывал свое недовольство, хоть и держал лицо цивилизованного человека. Он поднял голову от бумажек и служебные люди тут же зашевелились. Часть пошла в спальню, часть осталась, и еще часть рванули к ванной комнате. Я сделала шаг в сторону кухни. Там находилось несколько человек и Павел. Мы встретились глазами. Во взгляде Павла читалась мучительная тревога.

За кухонным столом сидели двое и пытались включить мой рабочий ноутбук, который я отдала Павлу.

Из спальни доносился пошлый хохот.

ГОЛОСА. Пацаны, вы видели, атласные труселя?

В руках черных людей было мое белье. Все смеялись, кроме главного. Внутри у меня росло негодование.

Я. Это шелк. Натуральный.

ГОЛОСА. Скоро будешь носить трикотаж или вообще без.

Черные люди переглянулись и залились хрюкающим смехом. Главный поднял руку. Смех прекратился. Мое белье нехотя было возвращено назад в комод.

Я. Ну зачем же? Вы можете взять с собой. Передарите. Почему нет?

Главный удивленно уставился на меня. Краем глаза я следила за его рукой. Справа от меня мужчина в узких голубых джинсах, короткой кожанке, накинутой поверх черного вязаного свитера в катышках, нервно засуетился.

В ГРАЖДАНСКОМ. Умная сильно? Знаешь, сколько таких умных потом на коленях?

Я. Вы все отлично понимаете. Люди вышли за украденные голоса. Какие мы преступники?

В ГРАЖДАНСКОМ. Вот лично ты. Вся из себя. Ты чего уволилась, богема? Плохо платили? Каждый второй мечтает на твое место. Телевидение – не хухры-мухры.

Я. Насколько я знаю, мое место не пустует. Россияне теперь на наших местах.

В ГРАЖДАНСКОМ. Если будет нужно, они и в ваших хоромах будут.

Я. Слышал, Виктор?

Виктор переминулся с ноги на ногу, густо покраснел, но был нем, как рыба.

В ГРАЖДАНСКОМ. Вы предатели родины, вас давить надо.

Я. Мы – птицы.

Все разом заржали, за исключением главного. Его лицо на этот раз не выражало никакой мимики, безупречная восковая фигура.

Я. Скажите, пожалуйста, в чем нас обвиняют?

ГЛАВНЫЙ. Не стоит так волноваться. Можете еще раз ознакомиться. А вы давайте в рамках цивилизованного, мы же не гопота, а уважаемые люди. Всем ясно?

Черные люди молча согласились. Я никак не могла сосредоточиться на тексте. Читала в пятый раз одну и ту же фразу. Что за цифры? 368 УК, 342, 361-4, 361-1, 130, 188, 293…

ГЛАВНЫЙ. На 361-4 не обращайте пока внимания.

Я. Что означают все эти цифры?

ГЛАВНЫЙ. Ничего не означают. Соберем улики, тогда и будут означать. Я же сказал – не волнуйтесь.

ГЛАВНЫЙ. Лукашевич, что там у вас?

ГОЛОС ИЗ КУХНИ. Да не включается никак.

Я. Когда я успела это подписать?

ГЛАВНЫЙ. В самом начале.

Я. Разве законно вламываться в жилье обманным путем?

ГЛАВНЫЙ. Если бы вы знали законы, то не писали бы свои, как там у вас, произведения, иностранным изданиям. Заметьте, там не стоит триста пятьдесят шестая.

Статья 63-1 УК БССР шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу предусматривает высшую меру уголовного наказания – расстрел с конфискацией всего имущества, при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества. Наверное, так зачитывали моей бабушке. Она не выдавала тайн и про заграницу не знала. Просто пожалела худеньких хлопчиков. Что ж вы, сказала она, как птенчики, выпавшие из гнезда, идите в хату, погреетесь. Они читали стихи, а она их кормила. От души. А получилось «при смягченных обстоятельствах». Интересно, а есть отличия?

Я. Какие сейчас смягченные обстоятельства?

ГЛАВНЫЙ. А вы уже признаете?

Я. Не признаю. Подумала просто.

ГЛАВНЫЙ. Сравниваете?

Я. Видимо нечего.

ГЛАВНЫЙ. И правильно. Вам повезло, что не в тридцатых. Мы – европейское государство, все в рамках закона. Ну, ребята сорвались, их понять можно, работы много.

Нарочитая вежливость, подчеркивание отдельных слов, некое спокойствие и мягкость движений – все это говорило только об одном. Он чего-то добивается. Манерность главного не вязалась с его безжалостным

взглядом. Что-то было безнадежно больное в его глазах. Нечто такое, от чего нет лекарства. Утраченная человечность. Но не в следствие разочарования или еще чего-то обыденного. А именно – за ненадобностью.

ГЛАВНЫЙ. Есть что? Давайте закругляться тогда.

ГОЛОС. Спальня чистая.

ГОЛОС. Балконы чистые.

ГОЛОС. И у меня чисто.

ГОЛОС. Ща игровую проверю, тут игрушек вагон.

Я. Пожалуйста. Не надо. Не трогайте детское.

Человек в черном носком сапога перевернул коробку с игрушками и наступил на игрушечное пианино младшего. Я не хотела, но слезы сами, не спрашивая. Сами себе на уме эти слезы. И взгляд, видимо, щенячий. Потому что главный посмотрел с плохо скрываемым превосходством и удовольствием. Он был доволен, словно съел булку с маслом. Да-да. Словно он хорошо поел и теперь можно включить телевизор. Главный нарочно держал паузу.

Я. Там ничего нет. Правда.

ГЛАВНЫЙ. Ну, не надо так. Верю. Мы же не звери.

ГЛАВНЫЙ. Сходи на кухню, что там с техникой. Пусть сворачиваются.

Один ушел на кухню. Двое других от игровой направились к кладовке. Дернули за ручку.

ГОЛОС. Где ключи?

Я. Я поняла. Вы хотите меня свести с ума.

ГЛАВНЫЙ. Не понял.

Я. Не изображайте. Вы лжете. Вы, якобы соблюдаете «все в рамках закона», нагрянули толпой словно мы действительно преступники, украли, убили, избили. И вы знаете, что это не так. Но вменяете столько статей, словно мы террористы, экстремисты. А потом «смягчающие обстоятельства, 10 лет», мол, посмотрите, насколько мы великодушны и справедливы. За что десять лет? За то, что покормила?

В ГРАЖДАНСКОМ. Крыша поехала? Ключи где?

Я. Вот. Видите.

Я. Вы делаете вид, что ничего не происходит. По одному забираете. Ночью. Ранним утром. Без лишнего шума. Без служебных машин. Приезжаете на обычных. Страница перевернута, все тихо, порядок наведен. Но мы знаем. Люди пропадают без вести, аресты день и ночь, как и девяносто лет назад – пытки.

Главный встал из-за стола, подошел ко мне вплотную. Из кухни вышел Павел в окружении людей. Они держали ноутбук, наши телефоны.

Я. Паш, где ключи.

Я бросила беглый взгляд на Павла. Он был белый, как мел, в уголках глаз краснели лопнувшие сосуды. Плечи завернуты вперед. Павел не проронил ни звука.

Я. Нет ключей.

ГЛАВНЫЙ. Ломайте.

Раздался грохот. Двое поочередно с разбегу били плечом. Дверь не поддавалась. Один взял стул за ножки и, размахнувшись, с силой ударил в дверь. Дерево заскрипело. Еще раз. И еще. Стул сломался. Двое разом навалились на дверь, и она поддалась. Павел не замечал никого и ничего, смотрел только внутрь. Флаги, стяжки, краска.

ГЛАВНЫЙ. Что там?

ГОЛОСА. Смотрим.

Из кладовки раздался грохот упавших коробок, с верхних полок сбросили штатив, камеру. Содержимое коробок вытряхивали на пол.

ГОЛОСА. Тут полно конспектов, какие-то киножурналы, искусство кино аж четыре тома, емое. Сценаристика какая-то. Драматургия.

ГОЛОСА. Ты знаешь, что это за драматургия? Слово такое хоть знаешь?

В ответ прозвучала матерщина и голоса в кладовке разразились смехом.

ГОЛОСА. Зачем им столько книг?

Снова брань и снова смех.

ГОЛОСА. Ничего нет.

Павла, оцепеневшего от ужаса, подталкивали к выходу. Он смотрел на меня в полуобороте и едва шевелил губами. Я ничего не услышала. Он повторил медленнее. И по движениям губ я поняла вопрос.

Я. Райская птица.

ГЛАВНЫЙ. Собирайтесь, Мира Михайловна.

Я. Не имеете права обоих, дети же.

ГЛАВНЫЙ. Успокойтесь. Вы скоро вернетесь. Обещаю.

****

Вечерело. Я стояла в роще у пятиэтажки. И смотрела в свои окна. Уже несколько дней я прихожу сюда. Топчусь на месте и злюсь на свои деревенеющие в не подходящий момент ноги. Слева от подъезда в кармане стоит старая ауди. Я знаю точно, это не соседи и не их гости. Чтобы выжить здесь нужно быть орлом, ястребом, змеей, волком. Точнее слоном.

На выгрузку продуктов приехала грузовая машина, припарковалась неудачно. Если бы еще одна, как раньше по несколько, то мне удалось бы проскользнуть. Значит, не сегодня.

Двери подъезда открывались – выходили, заходили люди после работы, с пакетами из магазина, запрыгивали дети с рюкзаками. Ауди сканировала каждого. Зажглись окна, как пазл. То тут, то там добавлялся элемент.

И вдруг, словно вспышка, мелькнула мысль. Дома нет. Даже, если я проберусь в него, как крыса. Там больше нет Дома. Шов за правым ухом заныл, слабо напоминая зубную боль. Где-то выше уха в голове застучали молоточки.

Я просила не бить меня по правой стороне головы. Если честно, было жаль и левую. Может стоило, наоборот, просить бить в правую?

Павла отвели в новенький микроавтобус. Меня – в виды видавший. Такой корч развозит овощи, фрукты по ларькам. Не понимаю, как я сразу на входе распласталась. Думаю, была подножка. Я хотела быстро встать. Но кто-то поставил на меня сапог, по салону пронесся хохот. Спустя минуту мне разрешили подняться и сесть на скрипучее сиденье. Вместо окна у меня был квадрат фанеры. В гражданском стоял напротив моих глаз. Я посмотрела на его мускулистые, твердые бедра, обтянутые голубыми джинсами. Кажется, эта модель называется skinny. Перед глазами прокручивался спортзал, как в калейдоскопе, в котором на коленях стояли избитые и замученные люди, а голубые бедра скакали между ними с палками.

Внезапно в гражданском прижался к моей голове, освобождая проход. В нос мне ударил смердящий, кислый запах немытого белья. Живот мой скрутило. В гражданском сел напротив меня, широко расставив ноги, принялся меня разглядывать. Я закрыла глаза. Он вскочил, порылся в бардачке и с черной тряпкой вернулся назад. Теперь я сидела с завязанными глазами.

****

ИВА. Сходила?

Я. Сходила.

ИВА. А пакеты где?

Я. Я не сходила. Только сходила покормила бездомышей.

ИВА. Ааа, то есть бездомышей.

Я. Не получилось, понимаешь? Тихари.

ИВА. Какие планы?

Я. Не знаю.

ИВА. Надо позитивнее смотреть на мир. Думать исключительно о себе. Не о бездомышах твоих. Выходи из позиции жертвы. Вместо того, чтобы ходить с таким лицом, сходи в кино, музей.

Еще недавно я знала подругу, а сейчас, как ни смотрела, не узнавала. Как исчезает человек в человеке?

Я. Зачем кругами? Могла бы прямо.

ИВА. Что прямо?

Я. Выгнать.

ИВА. Как ты можешь? Мы все должны быть сплоченными, помогать друг другу, особенно пострадавшим.

Я. Столько пафоса. Говори, пожалуйста, прямо.

ИВА. Просто мы купили еще одну квартиру. А эту хотим сдать. Переезжать будем.

Я. Поняла.

ИВА. Даже не поздравишь?

Бабушка, приветствуя меня, говорила: дурничка моя пришла. Я спрашивала, почему же я дурная. А она тихонечко смеялась, целовала мою голову и

приговаривала: а ни хитринки, а ни хлусинки. Нехай Мати Божья заступается за твою пекную голову.

Я. Поздравляю тебя.

ИВА. И все?

Я. Завтра мы съедем от вас.

ИВА. Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Я рассмеялась. Перевела дыхание и снова заливисто расхохоталась. И не могла остановиться. Я так давно это не делала, что и не собиралась прекращать. Мне хотелось высмеяться до дна.

ИВА. Какое-то неуважение.

Я. Скажи, почему так трудно говорить правду? Почему врут и на той стороне, и на этой? Я понимаю, у тебя благополучная семья, отлично. У мужа бизнес, прекрасно. Нужно преумножать, пока чудаки теряют. Ничего нового. Так всегда было. Просто скажи, Мира, нам не нужны проблемы.

ИВА. При чем тут проблемы? Просто мне хотелось тебя расшевелить. Чтобы ты в кафе выбралась. Я могу дать тебе денег.

Я смотрела на ее каштановые волосы, лежащие мягкими волнами на ее плечах, на крутые завитки у правого уха, на огромную пошлую безвкусицей серьгу, на белую толстую шею, губы бантиком, широкую переносицу, глубоко посаженные глаза, откуда временами казалось не увидеть цвета. Голубые. Оказывается, чисто голубые. А я думала, что серые. Как же я глядела до этого?

Я. Нехай Мати Божья заступается за пекные головы и за твою, Ива, тоже.

***

Я. Привет, Дин.

ДИНА. Ого! Тебя выпустили? Заходи!

Мы прошли в рабочий кабинет Дины. На своем смартфоне она включила режим «полет» и выключила интернет на компьютере.

ДИНА. Я сбегаю на кухню. Тебе чай, кофе?

Я. Воды стакан.

ДИНА. Я макароны варила. Ты тощая, жесть.

Я. Ничего страшного, я всегда такой была.

ДИНА. А меня глянь как разнесло, ем и ем.

Я. Я пришла по делу, на самом деле.

ДИНА. Уан момэнт, я себе тогда кофе сделаю. Мигом.

Дина убежала на кухню. А я задумалась о макаронах. Силилась вспомнить, какие бывают домашние макароны. Давно не приходилось готовить. Там я потеряла сознание. Сунули нашатырь под нос. Делов то. Глаза тут же открыла. Говорю им, с утра ни глотка. Дайте, пожалуйста, стакан воды. А они бутылку воды поставили на стол и говорят: будешь разговорчивее – получишь. Но я не смотрела на воду, а на его переносицу. Он злился, кричал, что за взгляд у меня долбанутый, мол, я

наркоманка и сто процентов проститутка. Говорил, не хочу ли я обслужить.

Как же давит в груди, Отче мой.

А потом говорит, мы в рамках закона. И принесли, в рамках закона, алюминиевую миску со слипшимися макаронами. Они выглядели так, словно их выблевали. Говорят, вот вилка. В рамках закона.

ДИНА. Я тут.

ДИНА. Рассказывай.

Я. Нечего.

ДИНА. Говорила я тебе, что ты дура?

Я. Не помню.

ДИНА. Ну, вот говорю.

ДИНА. Не обижайся. Я по-доброму.

Я. Знаю.

ДИНА. Быстро они тебя.

Я. Быстро.

ДИНА. Не, ну серьезно. Ты ничего не скажешь?

Я. Тебе мало? Сколько таких историй.

ДИНА. Таких, как ваша мало. Мы реально думали, вас расстреляют.

Я. Я флаг поцеловала.

ДИНА. Какой?

Я. Не понимаешь?

Я. Потом на камеру сказала, что люблю все их подразделения, начальников, подчиненных, сизо, шизо. Покаялась, раскаялась.

ДИНА. Они били тебя?

Я. Немного.

Мы замолчали. Дина отхлебывала кофе. Я смотрела на коричневую жидкость с жидкой пеной.

ДИНА. Я была права. Я еще тогда тебе позвонила. Помнишь, в телеге? Можно было просто походить, погулять, прости господи. Но ты вписалась везде и всюду. Тебя же читали. Сотни, тысячи, сотни тысяч! Мне плохо было от такого количества лайков, комментов. Они не могли пропустить. Странно, что тебя отпустили. Это развод или прикол, или черт знает что. Я лично сходила пару раз, намаршировалась и хватит.

ДИНА. Скажу так. Я уезжаю.

Я. Куда? Почему?

ДИНА. Пойми, это мой шанс. В Америку.

Я. Как?

Дина закатила глаза.

ДИНА. Ты прикидываешься или наивная? У меня фотка с марша. Этого достаточно. Я не вижу себя здесь.

Я. А квартира?

ДИНА. А что квартира? Сдам. Деньги не лишние.

Я. Что ж, счастливого полета. Мне пора.

ДИНА. А чего ты приходила? Какое дело?

Я. Уже нет дела.

ДИНА. Мира, подожди.

Я остановилась у выхода.

ДИНА. Тебе тоже нужно уезжать.

Я. Здесь мой дом.

***

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Сколько тебе заплатили?

Я. Ни цента.

ГРАЖДАНСКИЙ. По-нашему давай, не в Европе.

Я. Ни рубля.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Хорошо немецкий знаешь?

Я. Да.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Откуда?

Я. В школе учила.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Грамотейка значит.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. И память есть.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Читай.

Я. Ich weiß nicht, wo anfangen. Vielleicht damit, dass auch ich eine Mutter bin. Und ich will dich von Mensch zu Mensch fragen: weißt du, was dein Sohn so treibt? Hör mir bitte zu und schalte den Fernseher aus. Dein Sohn bringt Menschen um. Ja, genau, dieser kleine Junge, der genüsslich deinen Kuchen verspeist hat,

bringt Menschen um. Hättest du dir damals, als du das Blech mit dem prächtigen Teig in den Ofen geschoben hast, vorstellen können, dass auf der Bank unter den Christusbildern ein zukünftiger Mörder sitzt? Dein Sohn verkrüppelt Menschen.
Wie? Er bricht ihnen Arme und Beine. Und schlägt ihnen den Schädel ein. Vergiftet sie mit Gas aus der Spraydose. Sitzt am Steuer eines Wasserwerfers und besprüht Leute mit Gift. Dein Sohn, Mutter, tritt Schwangeren in den Bauch und tötet die Ungeborenen.
Oh Gott, Mutte…

ГРАЖДАНСКИЙ. Может хватит? Шпрехает, аж противно. Голова и так болит.
СЛЕДОВАТЕЛЬ. А выдержки нет. Слышал? Голос. Все дело в нем.
ГРАЖДАНСКИЙ. В смысле?
СЛЕДОВАТЕЛЬ. В коромысле.
ГРАЖДАНСКИЙ. Не ну сложно что ли?
СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ну ладно.
СЛЕДОВАТЕЛЬ. Мира Михайловна, правда что писатель любит свое произведение? Ну вот пишет, пишет, по строчке там, лелеет каждое слово и вот оно опубликовано.
Я. Любит.
Следователь улыбнулся, повернулся к Гражданскому, мол, понял?
ГРАЖДАНСКИЙ. Херня.
СЛЕДОВАТЕЛЬ. Поэтому, Саня, ты не я.
ГРАЖДАНСКИЙ. Смотри.

ГРАЖДАНСКИЙ. Мало тебе постов в этом пиздограмме? Еще и на Европу горланишь?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не мешай.

На столе лежали наручные часы, циферблатом повернутые ко мне. Стрелка неумолимо двигалась к шести.

Следователь не улыбался, наблюдал, изучал.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Так что, твое авторство?

Я. Мое.

Следователь ухмыльнулся и взглянул на Гражданского.

ГРАЖДАНСКИЙ. Ладно. У меня звонок.

Следователь не обращает внимание на уход коллеги. Мы остаемся одни. Пауза задерживается. Я чувствую сильную усталость. Следователь наливает стакан воды и показывает: пей. Я доверчиво пью.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зачем?

Я. Что?

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Зачем ломать свою жизнь?

Я. Чтобы изменить ДНК.

Следователь смотрит впервые на меня с любопытством.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Поясни.

Я. Стереть из памяти код тотального страха.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Ты боишься?

Я. Не за себя.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Не могу понять. Какого цвета твои глаза? Не карие, не черные.

Я. Вишневые.

Заскулила входная дверь и громко захлопнулась. Гражданский вошел, зевая во весь рот. Потер глаза. Сел на стул.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Подпиши!

Я медлила. Следователь подвинул бумагу ближе и вставил ручку в мои пальцы.

ГРАЖДАНСКИЙ. Да ладно. Иди, не парься, у меня подпишет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ. Подписывай, говорю. Ну!

Я с трудом, словно не чувствуя рук, оставила подпись. Следователь передал мое дело другому. Гражданский слушал указания отвести меня в камеру. Смотрел на меня, как на досуг. На какое-то мгновение мне показалось, что до камеры я не дойду. Следователь защелкнул часы на запястье. Мой взгляд выцепил половину седьмого. Не испытывая унижения, стыда, поражения я сползла со стула и села на колени. Снова, как щенок, смотрела на следователя.

СВЕКРОВЬ. Ты заходишь или нет?

Нетерпеливый голос заставил меня сфокусироваться. Я стояла на пороге, облокотившись о дверной проем. Недостаток сна стал сказываться сильнее. Я буквально спала на ходу. Мне понадобилось время, чтобы сделать усилие над собой и отлепиться от дверного косяка. Я переступила порог в надежде прилечь на диван.

СВЕКРОВЬ. Зачем пришла?

Я. Ваш сын в тюрьме. Я не могу сейчас…

СВЕКРОВЬ. Знаю. Это ты виновата.

Я. Боже. В чем?

СВЕКРОВЬ. Паша всегда был послушным. На подобную дикость он бы никогда не пошел.

Я. На какую дикость?

СВЕКРОВЬ. У нас лучший президент.

Я. Ясно. Паша ненавидел юридический, в который вы его запихнули.

СВЕКРОВЬ. Он получил блестящее образование в главном вузе страны!

Я. Ни дня не проработав юристом.

СВЕКРОВЬ. А должен был. Это ты ему внушила чепуху, надо работать там, где душа лежит. Бла-бла-бла.

Свекровь коверкала слова, кривлялась, не замечая в эмоциях, что из ее рта летит слюна.

Я. Он не цирковой пудель.

СВЕКРОВЬ. Лучше пуделем, но на свободе.

Я задумалась. Свекровь гневно бормотала, расхаживая по коридору. Мне стало невыносимо душно. Я расстегнула пальто и развязала шерстяной платок. По спине мерзкой струйкой потек пот прямо к копчику.

Я. Можно мы поживем какое-то время у вас? Я не могу оплатить аренду.

СВЕКРОВЬ. Ты спятила? Мы образованные, уважаемые люди. И такой позор! Мы места себе не находим! Горе такое, оскорблять президента, идти против прекрасного лидера.

Я. Пожалейте внуков, пожалуйста.

СВЕКРОВЬ. И внуки такие же, как ты!

Я повернула ручку двери и вышла на площадку. Пройдя один лестничный пролет, я заметила возле себя распахнутую настежь форточку. Ветер, врываясь, вынуждал форточку стучать. Я завороженно смотрела на вдуваемые снежинки, не в силах двигаться дальше. Меня начало знобить, появилась невыносимая ломота в теле. Возник соблазн лечь прямо здесь и немного поспать. Но я заставила свое воображение представить детей.

****

Мы с детьми сидим на лавочке у калитки. На улице ни души. Не бегают и деревенские псы. Зимой в деревне всегда так. Рано темнеет, все по домам, включают передачи. Телевизор тут компенсирует всё: кинотеатры, спортсекции, бассейны, спектакли, библиотеки. Те, из блестящих авто, обещали построить хоть что-нибудь. Но строили меня. Каждый день директриса собирала линейку для старшеклассников, называла мою фамилию и приказывала выйти на шаг вперед. И все десять минут до урока рассказывала всем присутствующим, какое я ничтожество.

Полтора года строили. Но не сломали. А теперь что? Какой он этот боец? Каково воину, если он мама?

Я. Привет, мам.

МАМА. А что это вы внезапно? Не позвонила. Здрасьте, мои хлопчики.

Я. У меня нет телефона. Да и время такое, что лучше без него.

МАЛЬЧИКИ. Привет, ба!

Мама обнимала внуков. Я села на кухонную лавку, сняла сапоги и вытянула ноги. Минутное удовольствие сменилось тревогой.

Я. Меня не искали тут? Никого не видела?

МАМА. А кому мы тут нужны?

Я. Да так.

Мама болтала с мальчиками, они о чем-то смеялись. Я прислонилась к стене, сквозь дремоту мое не до конца отключившееся сознание выхватывало из оживленного фона лишь беззаботный смех сыновей. Наконец. Перевал. Наконец можно. Кто-то позвал меня, тихо, настойчиво. Через силу я приоткрыла тяжелые веки, из красного кута на меня смотрел Иисус. Я попробовала растянуть губы. Привет, Иисус. Как твои дела?

МАМА. Мира!

Голос приобретал обеспокоенность и твердое намерение получить от меня ответ. Меня трясли за плечи, но я летела и летела в долгожданный сон. Я кружилась с белоснежными птицами. Их было много и все они меня любили. Я находилась в коконе невероятной заботы, понимании, аккурат как куколка. Как маленький сытый младенец, которого запеленали для крепкого сна. Внизу сновали черные-черные пятна, пытаясь достать мое гнездо. Но Райская Птица, укрыв меня своими прозрачными крыльями, сделала меня полностью невидимой.

Внезапно меня окатил холод.

МАМА. Мира! Что с тобой?

Мама стояла с бабушкиной кружкой из потемневшего алюминия. Ушко погнулось и у поржавевшего основания шаталось.

Я. Уснула, наверное. А что?

МАМА. Ох, божухно, напужала. Помру я с вами. Ты проверяла голову? Опухоли больше нет?

Я. Конечно, проверяла. Просто у меня хронический недосып. Дети, сама понимаешь.

МАМА. Батько тоже вот так кемарил. А я подумала, ну и нехай отдохнет. Старалась цишком, молчком суп варить. Наварила, зову за стол, а он не отзывается. Я за плечо, а голова и упала.

Я. Прошу тебя, продолжай.

МАМА. Он и в гробу лежал, как будто спал. Его несут, а ты бежишь в колготках без сапог. Я повернулась накричать, чтоб домой шла. А ты так бежала… неграмотная я, не могу слов подобрать…

МАМА. Вот бежала так, а ноги по воздуху что ли. Это ты такая худая была, что ветер тебя аж поднимал.

Я. Говори.

МАМА. А что рассказывать… Когда поставили отпевать, ты с ногами в гроб полезла. Все обалдели. Дядько наш тебя оттащил, держал, пока отпевали. Там уже никому не до отпевания было. А ты его то ли укусила, то ли он сдался. Вырвалась ты, взяла батькову голову своими ручечками и так кричала, Господи.

Я. Что я кричала?

МАМА. Что живой он. Что смотрит. Глаза ж так и остались прикрытыми. И я закрывала, и бабы, и поп. Да так и опустили.

Мама краешком хустки вытерла глаза. Молчала, опустив голову, и глядела на свои пухлые мягкие пальцы. Вспомнив что-то, оживилась.

МАМА. Вот откуда там поросе взялось, диво.

Я. Какое?

МАМА. И я не знаю чье. Дохлое, еле стояло на ножках. Я расспрашивала, может у кого сбежало. Дак не, у всех хозяйство на месте было. Ты, слава Господу, переключилась. Цацкалась с этим вепручком.

Я. Это был мой друг.

МАМА. Я ж говорю помру с вами. И у того друзья, и у этой.

Я. Ты про папу?

МАМА. А про кого ж еще.

Я. Что ты знаешь?

МАМА. Лучше и не знать. В этой стране надо жить потихоньку, помаленьку. Что ты бандитам сделаешь? Совесть разбудишь? Так там все богатьем приглушено. Я и тебе сто раз говорила, Мира, Мира, дочка, не лезь. Отучись и забудь. Не, ты ж упертая, как батько.

Я. Это плохо?

МАМА. А что хорошего? Не дал он сволочам этим охотиться. А они ему – кто ты такой, знаешь кто мы? Мы с администрации. А он им – да хоть с марса. Не положено, говорит, вести охоту. Соблюдайте закон говорит. Я не помню, то ли гон, то ли опорос был. Вот ты, Мира, подумай. Кому он про закон талдычил? Разумный разве это человек?

МАМА. Я его просила, пусть стреляют, может нажрутся да подохнут. Лес у нас хороший был, аж до самой границы с Украиной. Батько так любил его, если б ты только знала, он там всем кормушечки поделает, всем воды да сена наставит. Конечно, он сволочам дал отпор. Милиция приезжала к нам, как на работу. Ничего не подписывал и никуда не являлся.

Я. Не молчи.

МАМА. Пригрозили, что дом заберут. Дом – это ж святое. Дети же. Вот он и поехал в город. А пьяное быдло тут как тут. Тихон, что в конце живет, прибежал, где говорит твой хозяин? Говорит, стреляют в лесу страх божий. Конец света, говорит. Ну и все. Батько с автобуса и в лес.

Я. Мам, что?

МАМА. Что-то с собой взяли, а много просто лежало. Там была семья с кабанчиками, не помню, штук семь или восемь. Прямо в гнезде. Растерзали, расстреляли. Говорили, что свиноматка одну нечисть ранила. Защищала видать детей. Да как же ты защитишь, когда у них пистолеты. Бежать надо было. Но кто ж знал, что так будет. Спали, наверное, кабанчики. Малюсенькие были. Я

помогала батьку капать. Фельдшер надавала мне и нашатырного, и от сердечной боли. Боялась за него. Ты знаешь? - он плакал. Вот так вот.

МАМА. Это ж кровопийцы, понимаешь? Они веками пьют и не захлебнутся ты ж скажи! Хотя тот, которого ранило, помер. А другого, который по главнее, рак съел.

Я. Мам, мы поживем у тебя немного?

Мама внимательно меня рассматривала, сложив руки на груди. Я изо всех сил держалась расслабленно. Закинув ногу на ногу, улыбнулась.

МАМА. А они тебе дадут?

Я. Что дадут? Кто?

МАМА. Жить дадут?

Я. Ты знаешь?

МАМА. А что знать то? Не простят они тебе ни наблюдательства, ни слова твоего.

Я. Ты про выборы?

Мама кивнула. Я восстановила дыхание и улыбалась уже естественней.

МАМА. Хоть завязочки пришей.

Мы негромко засмеялись. Мама теребила пальцами клеенчатую скатерть и вздыхала.

МАМА. У нас участковый сменился. Молодой, из города прислали. Общительный такой. Со всеми здоровается, выспрашивает то сё.

Мама подняла глаза, ее серые глаза сверкали влагой.

МАМА. У меня спрашивал, а куда подевалась местная знаменитость.

Я. Это я что ли?

МАМА. А кто ж? Кого из спортзала выносила милиция?

Я. Я по закону зарегистрировалась. Как независимый наблюдатель я хотела остаться при подсчете голосов. Это было мое право.

МАМА. Я ж говорю – помру. Какой закон, какое право, где оно тут?

Я. Когда он приходил?

МАМА. Может месяц назад. Но он часто швендался, во двор заглядывал. Неделю не появлялся.

Я. Почему сразу не сказала?

МАМА. При детях?

Я. Мам, буди детей, нам надо собираться.

МАМА. Дай ты им поспать. Если решила, то хоть утром.

Я. Да, ты права.

Мама поставила руки на стол и подперев голову, смотрела в сторону. Мне не обязательно было видеть, чтобы знать – она плачет. Беззвучно, не выдавая себя даже телом.

МАМА. Не передумала?

Я. Нет. Мне просто нужно назад, я должна достроить дом, понимаешь?

Мама шмыгнула носом, прокашлялась, поднялась из-за стола и направилась к печи.

МАМА. Я пока колдунов налеплю, дети ж любят, в дорогу будет.

Давным-давно по земле бродила Душа в поиске дома. Но люди не пускали ее к себе на порог. От долгих скитаний Душа и впрямь выглядела неважно. В одну чудесную ночь, которая бывает раз в году, открылось небо. Любое доброе желание исполнялось. Душа попросилась к звездам. Ее спросили, какой звездой она хочет быть. Душа ответила, что называться хочет Райской Птицей, а выглядеть желает неприметно. «Не каждый меня найдет, а кто отыщет, тому дам силу свою».

ОТЕЦ: Ну, ка! Найдешь?

Я задрала голову, небо висело так низко, что можно было поднять руку и нарвать звезд, как белых яблок с яблони. Звезды мерцали, переливались и, покачиваясь, позвякивали, как хрустальные сосульки на люстре.

Я. Пап! Я нашла! Вот она, вот Райская Птица!

Папа вскочил, схватил меня и закружил самолетиком.

ПАПА. Теперь ты сильная-сильная! Со всем справишься!

Раскрыв руки, я визжала от восторга и звонко смеялась. Я летала, верх-вниз, верх-вниз, и не касалась земли.

****

Перед домом было пусто. Ни грузовых, ни легковых. И людей – ни одного. Мы стояли в роще еще пять минут. Все так же глухо.

Я. Пойдем.

Мы прошли в подъезд, поднялись на третий этаж. У входной двери я остановилась, как вкопанная. Достала ключ из кармана и повернула замок. Я тянула время.

Я. В квартире бардак. Не пугаемся.

Мальчики зашли первыми, я за ними. Я обратила внимание на плитку – чистая. Кто-то вымыл полы. Может быть, Виктор нанимал клининг. В столовой на столе стоял бабулин збанок, дырку на дне которого она залепила моей старой жвачкой «turbo». А в нем ветки акации. Я испуганно покрутилась вокруг себя. Откуда акация зимой? Вся квартира была убрана, словно ничего здесь и не было. Густой аромат цветов окутывал нас, снижая тревожность. Мальчики отправились в игровую. Я направилась к кладовой. Дощатый пол в кладовке сразу заскрипел, как только я ступила. В самом углу одна доска легко отходила, если ее поднять. Я просунула руку и вскоре нащупала коробку. В коробке хранились деньги на строительство дома. Я открыла коробку. Она была пуста.

У нашего Дома зеленая крыша. Стены серо-коричневые. Так было задумано, чтобы Дом стал деревом. Здесь мы высадили много их. Они растут и непременно вырастут большими. В нашем Доме огромные окна. Сейчас их заколачивают старыми досками. Рабочие ходят туда-сюда. Периодически они расползаются, как мокрая акварель. Проходит миг, и люди снова целые: с руками, ногами и головами. Затем по новой. Рядом со мной стоят мои мальчики. Я боюсь смотреть на них. Потому что боюсь себя.

СТАРШИЙ. Мама, давно хотел спросить.

Я сжала его руку.

СТАРШИЙ. Когда мы у учительницы жили, ты в тюрьме была?

Меня занесли и бросили просто на бетон. Я хотела сразу встать, но сильно кружилась голова. Желтый свет расходился кругами, как камушек по глади воды. Я не могла смотреть, до слез резал глаз. Наверняка, попала ресничка. Много женских рук помогали мне встать, я была безнадежна, мешок костей, а может просто мешок. Женские руки подхватили мешок и бережно, словно редчайшее полотно, положили на единственный матрас. Они щебетали, как синицы, в кормушку просили врача, или хотя бы лед, бинт и перекись. Им дали ровным счетом ничего. Они мочили носки, запасные трусы и держали на сквозняке, подняв вверх руки. Этим и охлаждали.

ДЕВОЧКА. Меня забрали в сорочке ночной. Дали только пуховик накинуть. Ты не против, если я подарю тебе мою сорочку?

Я моргнула. И она с другой женщиной разрезали ровными полосами сорочку на бинты. Это были самые красивые мои бинты, в сердечки.

Студентка лингвистического, пенсионерка с инженерным образованием, художница-реставратор, певица, визажистка, дизайнерка, кассирша, предпринимательница, айтишница, библиотекарша, медсестра – это были самые белые птицы.

Сколько прошло не знаю, я уже садилась, ходила. И дверь разинула пасть.

ГОЛОС. Баева с вещами на выход.

Мы обнялись. Вещей не было. Вышла легко. Я думала на выход, а привели меня в ШИЗО. Вылитый вольер, жуткий барак с облезлой краской. Я измерила шагами: три в ширину, четыре в длину. Холодно и сыро. Очень холодно и очень сыро. И очень воняло хлоркой. Он выедал глаза. Маленькое окно в решетке было наглухо закрыто. Два кольца батареи едва были теплыми. Висела широкая доска без матраса.

Я. Была, сын.

СТАРШИЙ. А папа тоже выйдет?

Я. Обязательно.

СТАРШИЙ. Там много было, ну, таких как вы? Или преступников больше?

Я. Много.

МЛАДШИЙ. Тебе было страшно?

Я. Сразу да, а потом я получила силу.

МЛАДШИЙ. Как это?

Я. Я думала о вас.

СТАРШИЙ. И тебя потом отпустили, сказали иди, ты свободна?

Я. Я сама ушла.

МАЛЬЧИКИ. Как?

Я. Раз в году случается волшебная ночь, когда открываются небеса и исполняется любое доброе желание. Я попросила Райскую Птицу открыть мне двери.

МЛАДШИЙ. Прикольно. А конфеты у нее можно попросить?

Я. Конечно.

СТАРШИЙ. Да, подожди ты со своими конфетами.

СТАРШИЙ. Мам, а как же мы тогда полетим?

Я. Обыкновенно. По небу.

МЛАДШИЙ. А куда?

Я. Туда, где можно рисовать где захочешь, а не только в шкафу. Где можно наконец поспать.

СТАРШИЙ. Все равно не понимаю. Если ты сама ушла, то ты же несвободна?

Я. Не бойся. Человек сам выбирает, свободен он или нет. Можно ходить по улице, стоять в очереди на кассу и быть несвободным. Понимаешь?

МЛАДШИЙ. Даже я понял. Типа голосуешь за агрессора – значит несвободный, бьешь людей – тоже несвободный. А забираешь родителей – так вообще паскуда.

Старший прыскает со смеху. Я не выдерживаю и хохочу.

Посвящается всем

птицам, лишившимся гнезда.

Летите и не касайтесь зла.